

С. В. ГАВРИЛОВ

НАЧАЛЬНИК УЕЗДА

В фондах КГУ ККОМ хранится комплекс документов, некогда принадлежавших одному из «первых лиц» Камчатки — начальнику Петропавловского уезда Станиславу Матвеевичу Леху. Он руководил уездом, охватывавшим территорию нынешнего Камчатского края, весьма продолжительный срок — с 1905 по 1917 г. На это время выпало немало интересных и важных в истории России и Камчатки событий: русско-японская война, учреждение отдельной Камчатской области с губернским правлением, начавшееся экономическое и социальное развитие территории, крушение двухсотлетней империи. Но, несмотря на это, до недавнего времени о личности С. М. Леха мало что было известно. Входящие в музейный комплекс выписки из церковных книг, учебные ведомости, воинские приказы, личная переписка, рукописи, телеграммы (всего их насчитывается 119 единиц хранения), а также привлечённые со стороны материалы впервые в общих чертах позволяют составить его жизнеописание.

Будущий «начальник Камчатки» С. М. Лех родился 11 февраля (по старому стилю) 1872 г. в Иркутске. Лехи появились в Сибири не по доброй воле: отец семейства, «дворянин римско-католического вероисповедания» Матвей Лех, был сослан сюда за участие в противоправительственных действиях, известных как «Польское восстание». Оно началось в январе 1863 г., завершилось в ноябре 1864 г. За причастность к восстанию власти казнили 128 бунтовщиков, 800 отправили на каторгу, 12 500 выслали из Царства Польского на поселение вглубь Российской Империи, в частности, в Сибирь. Впрочем, уже в апреле 1866 г. император Александр II объявил польским политическим ссыльным амнистию: им значительно сократили сроки каторги или заменили их поселением [1].

В метрической книге Иркутского костела за 1872 г. под шестым номером содержится следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят второго года, одиннадцатого дня Марта месяца... окрещён младенец по имени Станислав-Валентин настоятелем сей же церкви Христофором Шверницким с совершением всех обрядов таинства, политического ссыльного Матвея и Елены из Бридицких, Лехов, законных супругов сын, родившийся 11 февраля сего года в г. Иркутске в 4 часа утра. Восприемниками были Иван Воюцкий с Каролиною Киселевскою в присутствии Петра Шверницкаго и Елены Мелин» [2].

Настоятель костела отец Христофор Шверницкий (в разных источниках его именуют Христофором Швермицким, Кшиштофом Швермицким, Кшиштофом Шверницким) в Иркутске был известным и уважаемым человеком. В Сибири этот выходец из дворян Августовской губернии Марьямпольского уезда селения Варнупяны Царства Польского тоже очутился как ссыльный: 6 декабря 1846 г. он попал под следствие и военный суд по подозрению, что получил из Пруссии запрещённые в Российской Империи книги. Весной 1852 г. был выслан на жительство в Иркутск «без лишения прав состояния». Через три года получил разрешение вернуться на родину, но решил остаться в сибирской столице. Почти тридцать лет — с 1856 по 1885 г. служил настоятелем Иркутского костела и капелланом при войсках, умер в 1894 г. [3]. Х. Шверницкий стал для семьи Лехов, да и для всей польской иркутской общины, которая стала складываться ещё в начале XIX в., тоже, в основном, из ссыльных, настоящим духовным отцом.

Начальное образование и воспитание Станислав получил, по всей видимости, дома. В одиннадцатилетнем возрасте в 1883 г. он поступил в Иркутскую гимназию, где попал под попечительство классного наставника А. Франковского. Учебный год в гимназии делился на четыре «срока», сейчас бы мы сказали, что на «четверти». В каждом «сроке» первого класса изучались пять дисциплин: русский и латинский языки,

арифметика, география, чистописание. Все они оценивались по четырём критериям: «успехи, внимание, прилежание, поведение».

Запечатанный мелким шрифтом оборот «Свидетельства об успехах и поведении воспитанника» за первый класс гимназии, оттиснутый в иркутской типографии Н. Н. Синицына в 1882 г., напоминает об основных составляющих успешной учёбы, остающихся актуальными и в наше время:

«1. Хорошие успехи ученика более всего зависят от его *постоянной внимательности в классе*. Чтобы основательно усвоить предмет, ученик должен во время урока вникать в слова наставника и если чего-нибудь не понимает, то просить у него объяснений: иначе посещение классов не имело бы никакого значения. 2. Другое условие хороших успехов — *исправное приготовление уроков дома*. Случается, однако, что при всём своём желании ученик не может хорошо приготовить своих уроков по каким-нибудь вполне уважительным причинам; в таком случае в самом начале урока он должен объявить об этом учителю. 3. Третье условие хороших успехов — *постоянное и своевременное посещение классов*. В случае совершенной невозможности явиться на урок по болезни или другой вполне уважительной причине, уведомление о том должно быть прислано в тот же день для надлежащего со стороны учебного начальства распоряжения. Неисполнение этого правила подвергает ученика ответственности как пропустившего урок самовольно и без уважительной причины» [4].

Любопытна и не совсем привычна для нас и использовавшаяся тогда шкала оценки гимназистов: Вот что значили отметки в графе «Успехи»: 1 — вовсе неудовлетворительно, 2 — не совсем удовлетворительно, 3 — удовлетворительно, 4 — хорошо, 5 — отлично. В графе «Поведение»: 1 — худо, 2 — не совсем одобрительно, 3 — добропорядочно, 4 — хорошо, 5 — отлично.

В первом «сроке» у первоклассника Станислава Леха не ладилось с чистописанием: «успехи — 2, внимание — 3, прилежание — 3, поведение — 3». Но к концу учебного года дело поправилось, появились четвёрки и даже пятерки. За год он пропустил двенадцать уроков, но ни разу не опоздал. Поведение «вне класса» оказалось отличным, за леность и нарушение порядка не наказывался и никуда (например, в кондуит) не записывался. В первом «сроке» из тридцати одного собрата-гимназиста Лех оказался девятым учеником, а к концу четвёртого — поднялся до третьего, правда и число сотоварищей за это время уменьшилось до двадцати пяти. В конце года перед каникулами состоялись переводные письменные экзамены во второй класс, по-тогдашнему «испытания», по обоим языкам и арифметике с оценками «пять», «три» и «три» соответственно [4].

Обучение в гимназии длилось до 1887 г. 15 августа этого года Станислав перевёлся в третий класс Иркутского четырёхклассного городского училища Императора Александра III. В нём он 12 июня 1889 г. окончил обучение, показав при отличном поведении отличные же знания арифметики, геометрии и истории. Оценки «очень хорошо», то есть 4^{1/2}, получил по географии и естествоведению, «хорошо» — по русскому языку, рисованию и черчению. «Кроме того, обучался пению и гимнастике». А вот «ручному труду» и Закону Божьему по православным канонам Станислав как католик не обучался [5].

Через три дня, 15 июня 1889 г., Иркутское окружное по воинской повинности присутствие выдало юноше свидетельство о приписке его к призывному участку. Призывник признавался «подлежащим исполнению воинской повинности в 1893 г.». Он обязывался не позже 1 марта 1893 г. доставить в присутствие сведения о составе семьи, «согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 г.». Означенное «Высочайшее повеление» гласило: «...представить... о составе их семейства сведение, удостоверенное полицией, по месту жительства семейства призываемого, или же начальством того ведомства, в коем находится отец, дед или брат лица, подлежащего призыву. Сведения о составе семейств дворян, потомственных и личных, могут быть, по желанию их, удостоверены, вместо полиции или служебного начальства, предводителем дворянства того уезда, где приписан призываемый» [6].

Дальнейшее образование Станислав Лех продолжил в основанном в 1874 г. Иркутском юнкерском училище. Оно предназначалось для обучения вольноопреде-

ляющихся, в основном из числа казаков, и пополняло офицерскими кадрами казачьи войска Сибири и Дальнего Востока и регулярную армию. В нём могли учиться казаки Забайкальского, Амурского, Уссурийского войск, Иркутской и Красноярской сотен. По штату количество обучавшихся составляло 90 чел.: по 30 юнкеров регулярных войск, урядников пешего казачьего войска и урядников конного войска. Основное количество обучившихся было русскими, небольшая доля воспитанников (4—5 %) приходилась на поляков.

№ 104

Копія съ Метрической выписи о рожденіи
и крещеніи Станислава-Валентина Леха
Иркутской Римско-Католической церкви мет-
рическая шмуровая книга о родившихся за
1872 годъ содержитъ въ себѣ подъ № 6
слѣдующее: „тысяча восемьсотъ семьдесятъ
второго года, одиннадцатого дня Марта мѣ-
сяца, въ Иркутской Римско-Католической
церкви окрещенъ младенецъ по имени Ста-
ниславъ-Валентинъ. Настоятелемъ сей
же церкви Христофоровъ Шверинский
съ совершеніемъ всѣхъ обрядовъ таинства,
помощникомъ своимъ Матвѣя и Елены
иъ Тридицкаго, Леховъ законныхъ супруговъ
сынъ, родившійся 11 февраля сего года въ г.
Иркутскѣ въ 4 часа утра; Восприимца-
ми были Иванъ Волоцкий съ Нароменного Ни-
селевскаго въ Присутствіи Петра Швер-
инскаго и Елены Мамны.“
Въ вѣрности сей выписи съ подлинникомъ
удостоверено мною подписанъ съ прило-
женіемъ казенной печати. - г. Иркутскъ
4 Августа 1882 года Настоятель Иркутской
Римско-Католической церкви
Кс. Шверинскій

См. настоящая книга въ подлинникъ
на въ томъ свидѣтельствую подли-
нникъ и приложеніемъ казенной печати
г. Иркутскъ 1882 г.

Завѣдующій канцеляріею
А. И. Гавриловъ

Копия метрической выписки о рождении С. М. Леха (ГИ 13963)

Для зачисления в юнкерское училище в качестве вольноопределяющегося требова-лось выдержать «испытания» в объёме ранее пройденной в гимназии или городском училище программе. Испытания, прошедшие под председательством начальника

училища полковника Фёдорова, завершились следующими результатами: Закон Божий — 5, русский язык — 4, арифметика — 3, геометрия — 3, география — 4, история — 4. Общая сумма баллов — 23.

Экзамены принимали: законоучитель — уже знакомый нам священник Х. Шверницкий, преподаватели: русского языка — коллежский советник Бобровников, арифметики и геометрии — кандидат прав Шереметевский и коллежский секретарь Латтман, географии — Генерального штаба капитан Федяй и отставной коллежский советник Перетолчин, истории — снова Генерального штаба капитан Федяй. По результатам испытаний комиссия заключила: «На основании ст. 171 и 173 п. 3 Устава о воинской повинности и правилам для производства испытаний, вышепоименованный Станислав Лех имеет право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах 3-го разряда, а согласно приказу по военному ведомству 1886 г. за № 132 на правах 2-го разряда» [7].

Вольноопределяющимися именовались нижние чины Русской Императорской Армии, добровольно поступавшие на воинскую службу и пользовавшиеся определёнными льготами. Вольноопределяющимся можно было стать только при наличии конкретного образовательного ценза. Так, вольноопределяющийся 2-го разряда с 1886 г. должен был окончить не менее шести классов гимназии или реального училища, или два курса духовной семинарии. Желаящие служить вольноопределяющимися сдавали специальный экзамен, программа которого совпадала с шестилетним курсом обучения в учебных заведениях ниже гимназии. Минимальный срок службы вольноопределяющихся 2-го разряда устанавливался равным двум годам и девятилетнему пребыванию в запасе. Для получения же офицерского чина им следовало прослужить не менее трёх лет.

Военным делом Станислав занимался, судя по всему, серьёзно и с удовольствием. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся приказ по училищу № 93 от 2 апреля 1892 г. по строевой части: «По представлению командующего сотней юнкера Леонид Волков, Александр Арсеньев, Анатолий Пель-Горский I, Иннокентий Петров II и Станислав Лех — за основательное знание строевой службы и усердие в ней — производятся: первый — в младшие училищные урядники, остальные — в младшие училищные унтер-офицеры. Объявляя об этом, предписываю означенную перемену внести в алфавитные списки поименованных юнкеров...» [8].

Досуг будущих воинов скрашивался чтением, самостоятельным сочинительством стихов и их переписыванием каллиграфическим почерком в личные тетради-дневники. Эти стихи, чаще незатейливые, но иногда и весьма добротные, видимо, сыграли в юнкерской жизни Станислава заметную роль. Иначе как можно объяснить то, что он сохранял их при себе на протяжении без малого трёх десятков лет. В общей сложности таких стихотворных страниц в фонде С. М. Леха насчитывается 45. В их числе даже целая поэма — «Институтка», посвящённая некоей воспитаннице «большого зданья, скромных девочек приют»: «...Под тёплым кровом института/ В кругу подруг она росла/ (Пусть имя будет ей Анята.)/ Судьба к ней ласкова была,/ Дала ей рост и гибкость стана...» [9].

До нас дошла фамилия одного из сочинителей-сотоварищей Станислава — Малкин. Вот образец его романтического творчества, написанный в Иркутске в начале 1890 г.:

*Вечная память прошедшему году,
Вечная память разбитым мечтам.
С верой глубокою жду я свободу,
Вновь отдаюсь прихотливым волнам.
Полное море! Житейское море!
Что принесёт твой коварный прибой?
Счастье ль новое, старое горе?
Слёзы отчаянья или покой?
Сладкие ль звуки и шёпот влюблённый —
Сон упоительный, полный огня,
Или, быть может, в пучине бездонной,
Пользуясь силой, поглотит меня.*

А это фрагмент стихотворения Малкина, посвящённого Иркутску:

*Да! Ты красива, столица Сибири,
Дикого севера дочь.
Столько вокруг тебя света и шири
В эту роскошную ночь...*

Талант поэта Малкина оказался многогранен. Во время его пребывания в Благовещенске родились шутливые строки [9]:

*Полно же, Наденька, белым платочком
Слёзки отрите свои.
Будьте, как были, невинным цветочком
Общим кумиром семьи.
Что за охота в беспечное детство
Зоркие портить глаза?
Будет пора, пригодится кокетство,
Вовремя капнет слеза.
Ну, перестаньте ж, за вас мне обидно...
Не о чем вовсе рыдать...
Наденька! Наденька, как вам не стыдно
В эти лета ревновать.*

О творческой зрелости стихослагателя Малкина свидетельствует тот факт, что одно из его произведений, по сути, маленькая ода, было представлено вниманию августейшей особы. Во всяком случае, так следует из авторского примечания: «Читанное в день пятидесятилетнего юбилея Гатчинского Императорского института Государыне Императрице. 1887 г., 23 ноября» [10]. Похоже, что автор был воспитанником этого института.

*Как владычица жизни и света,
Животворной любовью полна,
Молодая предвестница лета,
Согревает природу весна.
Как ея золотая денница
Оживляет повсюду народ,
Так и нас, славной Руси царица
Оживил и согрел Твой приход.
Под державной Твоею рукою
Не боимся житейских мы бурь,
Незнакомы мы с горем, с нуждою
И чиста нашей жизни лазурь.
Ты родную нам мать заменила,
Возвратила семейный очаг,
К просвещению дорогу открыла,
В жизни первый направила шаг.
Для сирот совершила Ты много,
Как царица, как мать их любя,
И с горячей слезой перед Богом
Жарко молимся мы за тебя,
Чтоб Господь даровал Тебе счастье
И хранил Твоих царских детей,
Как хранишь ты сирот от ненастья
Материнской любовью своей.*

Покровительствовала этому учебно-воспитательному заведению сама императрица Мария Федоровна, мать будущего императора Николая II. Обращает на себя дата публичного представления стихотворения: ноябрь 1887 г. Кто же тогда мог подумывать, что ровно через тридцать лет казавшаяся незыблемой Российская Империя рухнет в одночасье, а строки «Чтоб Господь даровал Тебе счастье/ И хранил Твоих царских детей» не станут пророчеством...

Ещё одним развлечением иркутской молодежи были традиционные юнкерские балы. Об одном из них свидетельствует сохранившаяся рукопись неизвестного, не столь профессионального, как Малкин, автора, скорее всего, участника этого события [11]. В стихотворении, написанном по принципу «Что вижу, о том и пою», упоминаются фамилии юнкеров-одноклассников Станислава:

*Бал начался чудным вальсом, полетели все стрелой.
Все вертелись, все скакали, и качался пол гнилой.
Там Пель-Горский (старший) отличился,
Он по зале колесил, кавалеров подводил.
Кавалеры не простые — юнкерочки молодые.
Вот Решетников высокий быстро даму подхватил.
И по зале её ловко с быстротою прокрутил.
Всех стройнее, всех изящней в вальсе Мищенко летал.
И без всякого усилья он танцоров побеждал.
Но вот виден в конце залы трёхаршинный кавалер.
Он и строен, и прекрасен в простоте своих манер.
Вот мазурка прогремела, первый Мищенко летит,
Следом пары, и Арсеньев уж плечами шевелит.
Стендер бледный и печальный, с томным блеском чудных глаз
Своей странною улыбкой покорила невольно нас.
Но вот слышен голос громкий: «Занимайте своих дам!»
Кавалеры с быстротою: «Закусить не нужно ль Вам?»
Вдруг в середине вихря вальса вылетает Делеско.
И уводит нас, что сделать было не совсем легко.
Но хотя был вечер скромный, он удался юнкерам.
Веселитесь до упаду. Слава! Слава! Юнкерам!!!*

Замечание о качавшемся гнилом поле соответствует действительности: юнкерское училище в то время размещалось в старом, изношенном здании. Капитальные сооружения для него были возведены в начале следующего века.

В начале августа 1892 г. Станиславу был присвоен чин подпрапорщика, не входивший в Табель о рангах. С 1880 г. его до присвоения «Высочайшим» распоряжением офицерского чина получали выпускники пехотных юнкерских училищ. Для подпрапорщиков были установлены специальные знаки различия — погоны, обшитые по краю узким золотым галуном [12]. Теперь юному воину пришло время отправляться на службу. Частью назначения стал 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Эта регулярная воинская часть была сформирована в июле 1849 г. как Иркутский гарнизонный батальон. В октябре 1861 г. её преобразовали в 6-й Восточно-Сибирский линейный батальон, в мае 1880 г. переименовали в 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, а с октября 1883 г. — вновь в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. В конце XX в. батальон был переформирован в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

8 августа 1892 г. начальник училища Генерального штаба полковник Макаревич подписал предписание подпрапорщику С. М. Леху: «Предлагаю Вам немедленно отправиться к месту своего служения в посёлок Новгородский (Посъет). О времени отъезда мне донести» [13].

В этот же день выдана подорожная: «Иркутское юнкерское училище сим свидетельствует, что предъявитель сего подпрапорщик 6-го Восточного-Сибирского стрелкового батальона Станислав Лех имеет право требовать почтовых лошадей за указанные прогоны, по две лошади с проводником» [14].

О том, как бывший юнкер добирался до своего первого места службы, что видел и какие при этом испытывал чувства, а также как началась его офицерская карьера, он сам рассказал в «стихотворном» письме сестрам. Оно озаглавлено «Ответ готов без труда в духу военным» (сохранён стиль оригинала) [15]:

*Ех вы! Сестрицы мои дороги!
Ваши стихи очень слышны?*

Будто бы я птица не человек,
Будто я неехал, а летел.
Я с Иркутска на тройки вкатил,
Я свою судьбу с малолетства порешил,
Я на постройках не стоял, я зрителей ушью гнал!
Ей ты дуралей! Подавай лошадей!
А то встану накладу и в штрафную книгу запишу.
И так катил день и ночь,
У сутки сто верст прочь.
Сон и голод мне незамечался,
Но кушак на мне увеличился.
Да очень потешно,
Мне на службу было нужно спешно.
Потому что мой такой нрав,
Такую мне Бог молодость дал.
Не ставте мне этого вину,
Когда я на доброе жертвую молодость свою,
Служу Богу и Государю.
Должен знать всякой обязанность свою.
Моё желание исполнилось с Благословением Божиим.

Я приехал во Владивосток,
Где наших братьев целый полк.
Чуден город! Красивый Владивосток!
Со всех сторон народ приток
Благоухающий край,
Граничит обезьян Китай.
На глазах великий Океан,
На нём судна как птицы летят.
На горе, на посту
Стоит наша батарея на мосту.
Что же я могу вам больше сказать,
Когда вам меня не понять.
Я на Востоке перекрестился
И горько и жалосно прослезился...
Но всё это отлично,
Но плакать мне неприлично.
Потому что я на службе состою,
Самостоятельную жизнь веду.
Но что-то мне в душе говорит:
Зачем при мне нет родных,
Не родных не друзей.
Полна моя грудь страстей.
Нескем поговорить
Дабы своё впечатление разделить.
И вот я своё сердце скрепил,
и так в Посьет укатил.

Местность Посьет,
Где женского пола нет,
Нескем развлекаться,
А нужно начальству представляться.
Когда я начальству представился,
Я начальству понравился.
Моё достоинство оценили,
Меня к чину представили.
Я чин скоро получил:

Меня сам Государь своею милостью утвердил.
 Я остался доволен и счастлив.
 С этого времени я подпоручик лихой,
 Я офицер строевой.
 Начальство меня знает,
 Мне команду доверяет.
 Я свою команду соберу,
 Я на ученье отведу
 Храбрых молодцов,
 Стрелков и бойцов.
 Я хорошо своё дело знаю,
 Я с достоинством обучаю,
 Не в пример другим,
 По уставу вызубренным.
 Как себя держать,
 И как ученье солдатам передать.
 Когда солдатики в охранении стоят,
 То мне навстречу «Ура!» кричат.
 Когда солдатики из ученья идут,
 То мне песенку поют:
 «Наш красавец подпоручик молодец,
 Храбрый воин и боец!
 Ну те ж братцы — разом на врага,
 Ура! Ура! Ура-а-а!
 Мы стрелки молодецкие,
 По примеру воинственные.
 Нам не страшен Великий Обезьян
 И мильённый Китай.
 Ну те ж, братцы, разом на врага!
 Ура! Ура! Ура-а-а!!!»

Видимо, общение с поэтом Малкиным не прошло для нашего героя бесследно: ему тоже захотелось попробовать себя в стихосложении. Но и со стилем, и с правописанием, в противовес чистописанию, у недавнего юнкера оказалось не всё в порядке. Однако, благодаря этой неуклюжей попытке, до нас из далёкого 1892 г. дошёл вот такой необычный «биографический очерк».

От времени службы С. М. Леха в Посъете сохранились 22 заказных почтовых конверта (КОКМ ОФ 35183/1—22) из-под писем от родных и знакомых, датированных 1892—1894 гг. и пришедших, в основном, из Иркутска. На конвертах адресат титулуется «Его высокоблагородием» и даже «Его высокородием» (так обращались к старшим офицерам), хотя сам Лех в то время пребывал в более чем скромном чине подпоручика, к которому полагалось обращаться «Ваше благородие». Что и сделал один из корреспондентов — поручик Олейников, лучше всяких «шпаков», то есть гражданских, разбиравшийся в военной иерархии [16].

Переписка с родными: отцом, мамой, сёстрами Гесей, Делой, Цезией (Сезей) и самым младшим членом семьи — братом Людовиком (Луи) представлена 27 письмами (КОКМ ОФ 33175/6—9; КОКМ ОФ 35177/1—4; КОКМ ОФ 35178/1—14) на польском языке. В число корреспондентов Леха в 1894—1896 гг. входили помянутый поручик Олейников, титулярный советник Поприщев и «заведующий канцелярией Управления Заведующего железнодорожными работами нижних чинов» поручик Трифонов из Владивостокской крепости (КОКМ ОФ 35185 — КОКМ ОФ 35189).

Особо отметим письма невесты Леха — Веры Борисовны Новак. Их 19 (ГИ 14092 — ГИ 14097; ГИ 14099 — ГИ 14112). 10 мая 1894 г. Вера писала жениху: «Мы только что приехали в Нагасаки (из Посъета. — С. Г.). Сейчас двадцать часов. Пароход, на котором мы приехали, уходит снова во Владивосток, и я тороплюсь написать пока немного, то есть отвести душу... Простите, что в прошлом письме не поздравила с прошедшим днём ангела. Поздравляю и желаю, чтобы следующий год мы провели

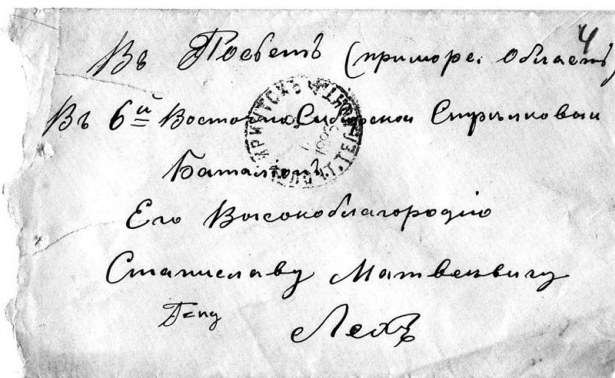
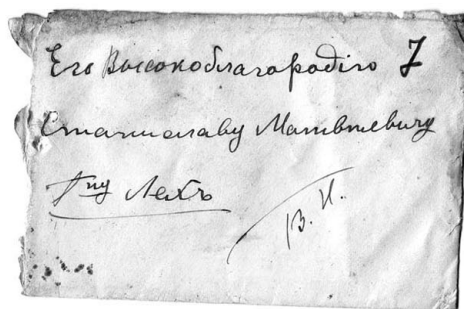
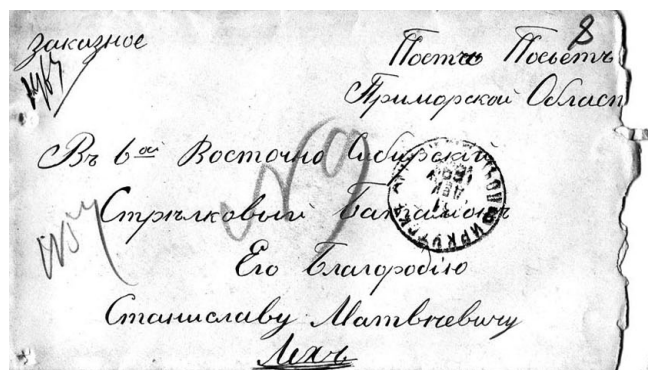
вместе и под одной фамилией... Мама, Надя, Люба, Соня и Коля кланяются...» [17]. Из последней строки следует, что в семье Новак было пятеро детей, столько же, сколько и в семействе Матвея Леха. У его сына Станислава тоже будет пятеро наследников.

А вот фрагмент послания от 8 июня 1894 г.:

«...Недавно появилась кукушка, и я спрашивала, сколько тебе жить — 28 лет, а мне 24 года. Значит, тебе будет 51 год, а мне 42 года, но это глупости. Мне иногда кажется, что я тебя не увижу, то есть не вернусь в Посьет, но это бывает минутами. Сегодня я больна, но дня через четыре буду здорова. Мне предлагают, чтобы я начала делать приданое. Надя читала твоё письмо, смеётся над твоей загадкой и говорит: Ты, Вера, ответь на загадку так: “До свадьбы, но я так не хочу, а хочу вот как: Отгадка. До того времени, когда Стасик будет совсем мой...”

Ах, Стасик, чем дальше, тем у меня больше и сильнее разгорается ревность. Я не знаю почему, но при имени В., я не знаю, что со мной делается. Я её ненавижу и считаю счастливее себя. Она видит тебя почти каждый день и чувствует пожатие руки, а я как нищая читаю письмо с жадностью, точно голодная, давно не видевшая тебя, но я унижаю себя тем, что через семь месяцев я буду купаться в море блаженства, хотя я себя и утешаю этим, но быть спокойной не могу. Мне кажется, что что-нибудь, да будет между мной и В...» [18].

Стоило ли верить глупой кукушке, отмерявшей Станиславу ещё двадцать восемь лет жизни до возраста пятидесяти одного года? Судя по этому предсказанию, его земной путь должен был завершиться в 1922 г. А на самом-то деле оказалось, что ему было отпущено только двадцать шесть лет, всего лишь до весны 1920-го...

Конверты от переписки С. М. Леха 1892—1894 гг. (КОКМ ОФ 35183/17—20)

Упреждая же возможную ревность жениха, Вера сообщала ему о некоем докторе, видимо, когда-то неудачно претендовавшем на её расположение: «...Тебе какой-то субъект сказал, что В. Б. Вас любит только потому, что ненавидит доктора, но они все, которые так говорят и думают, жестоко ошибаются. Я не потому тебя люблю, что какой-нибудь доктор мне на (неразборчиво) или какой-нибудь другой причине, а я просто тебя полюбила всеми силами своей души, и никакая сила не заставит меня разлюбить тебя, а, напротив, чем дальше, тем я больше и больше люблю своего Стасика, который меня любит очень сильно, и никакие разговоры подобных типов, которыми (неразборчиво) Стасика услужливые языки, не смутят душу сомнением. Дорогой Стасик, когда же будет то время, когда будем все вместе? Мне не верится, что это когда-нибудь

будет. Мне сейчас сильно хочется сесть тебе на колени и целовать тебя, но это только хочется, а исполнить моё желание нет возможности. Я сейчас смотрю на твою карточку и думаю, что ты теперь дома и пишешь или читаешь и думаешь о твоём Верунчике...» [19].

Упомянутая Надя, младшая сестра Веры Борисовны, в то время гимназистка, самостоятельно поддерживала с Лехом уважительно-дружеские отношения, делясь с ним своими новостями, если, конечно, они имелись (ГИ 14107 — ГИ 14111). Вот фрагмент её, выведенного старательной детской рукой, послания: «Дорогой Станислав Матвеевич! По какой причине Вы просите меня не сердиться на Вас за то, что Вы называете меня уменьшённным именем? Ведь и дома Вы меня так же звали. Я, напротив, очень рада этому... Что я могу Вам написать после всех Ваших философствований? Смешно будет, если Вы мне будете писать о различных высоких предметах, как, например: о свободе людей, о жизни, о пользе чтения, а я Вам о своих единицах и двойках, даже чуть не о куклах... Вот, например, я хотела бы поделиться с Вами всеми мыслями и новостями, но, к сожалению, нет ни новых мыслей, ни других новостей...» [20]. Посылала письма Леху и Верина сестра Людмила.

Спустя много лет, в 1908 г., вместе с семьёй Лехов в Петропавловске жила некая «девица Навак» [21, с. 440], видимо, одна из младших сестёр Веры Борисовны.

96

 Kochany
 Bratku
 ja ciebie
 ciagle po
 minam ja ciotem
 na piecu mydelka
 i teraz imi myje
 nie jak uotamie to
 sam ubieram sie jak
 z mojej rosyjskiej nary

95

 Kochany bratku.
 Mnie jusek kapucinski tozy
 razzy przywiozt nabitek
 mleka zato ze ja jego spotyram
 jak widza wotno to zaraz oberamie
 i idz bierz uniego wyjam i noze wazymy
 my teras kazdy wieczor spiewamy
 ja i lecia a lecia gra, ja bardzo
 lubie spiewac ja taka bywam rada
 jak otelcie przyidi list, umnie
 jest teras duzy stot mama mnie
 dala bounnie pierwiec pismu byl
 malutki lena kazada sobota
 chodzi donas w gosci tniecia z Helu
 ciogly bawo bratkiunas wszyscy
 zdrowi. jipisalam tobie list wiesz
 tem oddziwienyt godzinie 20 stycznia
 Kochajonca siostra Dela

Фрагменты писем от брата Людовика и сестры Делы
 (КОКМ ОФ 35178/7—8)

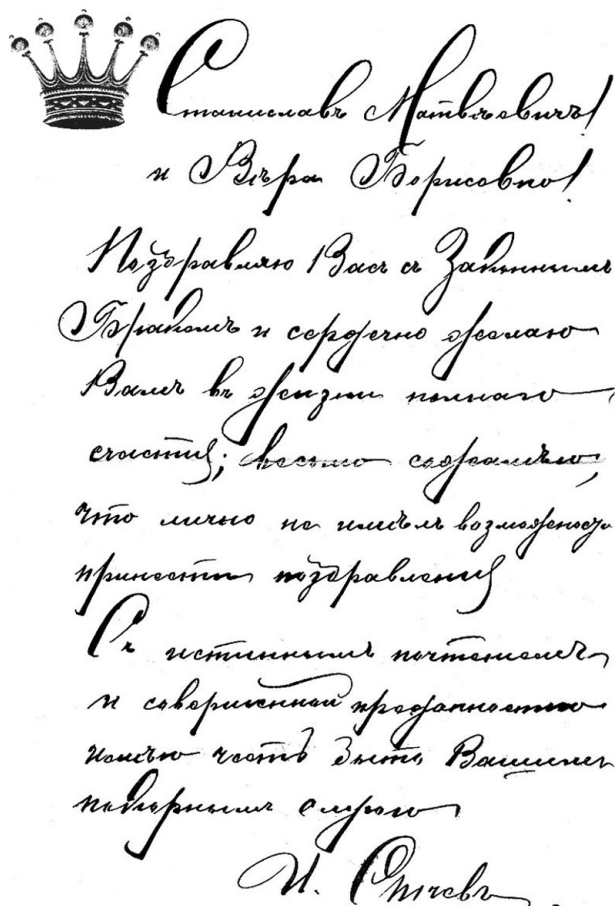
С. М. Лех, конец XIX в.
 (КОКМ ОФ 35212)

Свадьбу молодые сыграли в Посьете 8 января 1895 г. От этого торжества в семейном архиве осталось меню парадного обеда: «Майонез из рыбы, телятина с шампиньонами и горошком, гусь с яблоками. На десерт — мороженое» [22]. «За здоровье молодых поднимаем бокал! Ура!» — со станции Новокиевской спешили поздравить молодых Врук, Пермин и Клименко [23]. «Поздравляем Веру Борисовну, Станислава Матвеевича со счастливым днём бракосочетания с пожеланием всего наилучшего вам, новобрачным», — телеграфировал из Владивостока некто Чернов [24].

16 сентября 1895 г. Вера Борисовна отметила именины. Из Иркутска пришла телеграмма «Поздравляем Верочку с днём ангела. Целуем. Родители, сёстры, братья [25].

Молодой супруг тем временем служил как в Посьете, так и в командировках в Славянке. 12 июля 1896 г. он, всё ещё подпоручик, в состязательной офицерской стрельбе «выполнил условие на получение обыкновенного приза суммою квадратов действительных выстрелов 264, в чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю». Свидетельство, выданное победителю 31 июля 1896 г., подписал начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады [26].

Это свидетельство — последний документ, из которого мы можем проследить биографию С. М. Леха в её докамчатский период. Следующее упоминание о нём относится только к 1903 г., когда он был помощником начальника уезда Командорских островов.

Поздравление с днём бракосочетания
(ГИ 14114)

Меню свадебного обеда 8 января 1895 г.
(ГИ 14113)

24 мая 1902 года северные округа Приморской области, в том числе Петропавловский, переименовали в уезды, во главе которых стояли начальники, несшие как административные, так и полицейские обязанности. Первым начальником Петропавловского уезда в 1903—1904 гг. был А. П. Сильницкий, затем, после его незаконного отстранения от должности, — некоторое время чиновник Павский.

В навигацию 1904 г. Камчатка из-за начавшейся войны с Японией не имела парового сообщения с Владивостоком. Казённое продовольствие и снабжение на полуостров доставлялись при посредничестве Камчатского торгово-промышленного общества на американских пароходах из Сан-Франциско. Эти же пароходы изредка доставляли известия о ходе войны, причём в американском изложении. Тем не менее пребывавшие в блокаде камчатцы сумели в 1904 г. дать врагу достойный отпор. Японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепиться на полуострове и не сумели вывезти с него ни одного рыбьего хвоста: побережье охраняли дружинники-ополченцы.

Весной 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен надворный советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VII класса соответствует армейскому подполковнику) Станислав Матвеевич Лех. Он прибыл в Петропавловск из Владивостока через Иркутск, Якутск, Охотск и Гижигу. Последние военные новости, привезённые им, были аж январскими.

20 апреля 1905 г. С. М. Лех подписал приказ № 2, которым весь Петропавловский уезд объявлялся находящимся на военном положении. Все пребывавшие в запасе офицеры и нижние чины призывались на действительную службу. Им следовало «немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». Таковыми пунктами

определялись: по западному берегу Камчатки — Большерецк и Тигиль, по восточному — Усть-Камчатск и Петропавловск.

2 июня 1905 г. в Авачинскую губу зашёл пароход «Цецилия» под германским коммерческим флагом. По давно заведённому порядку начальник уезда С. М. Лех и уездный врач В. Н. Тюшов прибыли на него для выполнения требуемых формальностей по оформлению прихода. «Цецилия» простояла в Петропавловске четыре дня. Перед отходом её капитан под большим секретом поделился с одним горожанином новостью о майском разгроме русского флота: «Флота вашего нет, да и в Петропавловске, как оказывается, так же нет военных судов. Когда мы будем уходить, я брошу вам газеты, из которых вы узнаете о вашем флоте...» Из английских газет, издававшихся в Шанхае, «сперва с недоверием, а потом с полным отчаянием жители Петропавловска узнали ужас Цусимской катастрофы».

25 июля в порт прибыл пароход «Австралия», привезший почту и 29 175 руб. 62 коп. для Петропавловского полицейского управления. Эти деньги вместе с другими хранились в управлении в сейфе. Сейф был опечатан, а ключ от него Лех держал при себе. На этом же пароходе прибыл представитель Министерства внутренних дел, некогда начальник уезда Командорских островов Н. А. Гребницкий, «из рассказов коего стало известно, что “Австралия” на пути из Охотского моря в Петропавловск встретила и была освещена прожектором японского крейсера “Идзуми”».

А вскоре Петропавловск подвергся нападению отряда японских кораблей. 31 июля в Авачинскую губу вошли два лёгких крейсера: «Сума» и упомянутый «Идзуми». Около одиннадцати часов они подошли к Петропавловску и примерно через четверть часа открыли огонь. Лех отправился в управление спасать кассу. Придя туда, он «обнаружил отсутствие ключей, оставшихся дома, вероятно, в прежнем его костюме. Лех вернулся домой, взял ключи, пошёл обратно в управление, но по дороге увидел разорвавшийся близ управления снаряд, вернулся назад и, опасаясь, что в случае его смерти или плена Камчатка останется без руководителя, уехал совсем из города, бросив кассу, в коей всего было около 40 000 руб. на произвол судьбы. Здание управления было действительно повреждено впоследствии снарядами, причём по уходе японцев, съезжавших на берег, оказалось, что касса разбита и 40 000 руб. исчезли. За время бомбардировки помощник начальника уезда Павский, на обязанности коего было хранение и заведование кассой Командорских островов, успел прийти в управление и лично вынести лежавший на кассе управления ящик с кассой Командорских островов».

С. М. Лех и камчатские ополченцы во время русско-японской войны, 1905 г.

После войны следствие о пропаже казённых денег вёл Владивостокский окружной суд. Лех был допрошен по делу, к нему применили «подписку о неотлучке». Велось допросы и других свидетелей событий июля-августа 1905 г. Расследование тянулось на протяжении многих лет и, судя по всему, закончилось ничем [27, с. 23—25].

В Петропавловске японские крейсера простояли несколько дней, после чего ушли. Горожане перебрались в селение Завойко (ныне Елизово. — С. Г.). В Петропавловске остались несколько человек. По их рассказам, японцы обращались с ними хорошо и враждебных чувств не проявляли. В Завойко начальник уезда и местный торговец, он же Петропавловский городской староста, Г. М. Чупятов организовали ополчение из казаков, вооружённых винтовками Бердана. Население города вскоре вернулось обратно и ещё долго жило в полной неизвестности. Но японцы больше не появлялись.

Занятие Петропавловска стало одним из последних эпизодов русско-японской войны. В августе 1905 г. между воюющими странами был заключён мирный договор. О нём на полуострове вновь узнали с опозданием. Только 18 ноября 1905 г. начальник уезда известил старост селений западного берега Камчатки об окончании войны: «Довожу до всеобщего сведения, что прибывший пароход привёз нам известие об окончании войны и о заключении мира. Теперь следует помолиться Богу за ниспослание мира, и чтобы мир был продолжительный, чтобы кровь человеческая более не проливалась» [28].

Свидетельств о жизни Петропавловска в 1905—1913 гг. сохранилось немного. В их числе такие малоизвестные, как книга посетившего его генерала-гидрографа М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на “Шилке”» и изданный камчатской колонией в Шанхае в 1940 г. в память двухсотлетия основания Петропавловска юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940». Ценность этих материалов заключается в том, что их оставили не случайные заезжие, а серьёзные учёные и администраторы, привыкшие к точному и ёмкому описанию фактов и событий.

Вот как выглядел Петропавловск летом 1908 г. по описанию М. С. Латернера: город «...невелик: часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом... Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть ещё другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленного общества. Остальные дома как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего ещё обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника (С. М. Леха. — С. Г.), стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битого бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов, или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений «распивочно и на вынос» и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка и та, кроме готового платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращённом к лагуне, расположена братская могила. Вблизи её, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади, вблизи пристани и полицейского управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей...» [21, с. 429—430].

Круг обязанностей начальника Петропавловского уезда был широк. Вот лишь несколько примеров его многочисленных забот. В воскресенье 13 июля 1908 г. в полицейском управлении прошёл пушной аукцион. Продавали пушнину, собранную в качестве ясака с жителей Петропавловского уезда. Этот аукцион стал первым за большой

промежуток времени: в предшествующие годы всю пушнину отправляли для продажи во Владивосток. С. М. Лех устроил его, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Но ожидаемых результатов достичь не удалось: даже первосортная шкура морского бобра оказалась продана довольно дёшево — за 800 руб.

25 июня 1908 г. С. М. Лех докладывал прибывшему в Петропавловск губернатору Приморской области В. Е. Флугу о создавшихся напряжённых взаимоотношениях местных жителей, заселявших устья рек, с чинами рыболовного надзора. Недавно на Камчатку на охранном крейсере «Командор Беринг» прибыл чиновник Министерства государственных имуществ, ведавшего рыболовными угодьями. Он разъяснил, что местные рыбаки могут продавать пойманный ими лосось кому хотят, но только не японским рыбопромышленникам, получившим по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. официальный доступ к протяжённым берегам полуострова и с каждым годом всё плотнее «заселявшим» их. Однако ввиду неразвитости отечественной рыбопромышленности других покупателей не имелось. В прошлом, 1907 г., Г. М. Чупятков скупил улов у жителей и перепродал его японцам. Заведующий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу. Уездный начальник содействовать ему в этом отказался [21, с. 445—446], понимая, что средства, вырученные от таковой продажи, являются существенной добавкой к небогатому бюджету местных жителей. Надо сказать, что местное общество пребывало с заведующим рыбными промыслами «не в ладу», не сумев найти с ним общего языка. Вопрос о возможности продажи улова иноземным промышленникам успешно разрешился в следующем рыболовном сезоне.

Внимания требовала располагавшаяся неподалеку от Петропавловска в бухте Раковой колония прокажённых (лепрозорий). В 1908 г. там содержались десять взрослых больных и двое детей десяти-двенадцати лет. Жизнь здесь была тягостной: «больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовой охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря: вы меня сюда посадили, так и делайте всё сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живёт много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный». С. М. Лех занимался благоустройством колонии, пользуясь для этого «всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим». Вот на такие средства и были построены три домика, в которых располагались больные.

А вот пример работы возглавляемого начальником уезда полицейского управления по прямому назначению: расследованию уголовного преступления. Пятничным утром 19 сентября 1908 г. в складе Камчатского торгово-промышленного общества обнаружилась кража ценной пушнины. Исчезли шкуры двух морских бобров, 136 соболей, 100 горностаев и другие общей стоимостью 15 тыс. руб. Одну из соболиных шкурок нашли втоптанной в грязь на улице. Осмотр места происшествия показал, что работала группа злоумышленников: замки на дверях целы, подкопа, следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон вырезаны два стекла. Их размеры не позволяли пролезть сквозь окна взрослому человеку. Видимо, кто-то из злоумышленников пробрался в склад перед его закрытием. Ночью он взломал сундуки с пушниной и передал её через вырезанные стекла подельникам, отнёсшим похищенное в заранее приготовленное место. Утром, как только склад открылся, преступник незаметно вышел. Проведённый обыск на пароходах, стоявших в порту, ничего не дал. «По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена “мурками” (то есть приезжими. — С. Г.). Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край» [21, с. 455—456].

Вообще-то подобное в Петропавловске происходило редко. Из отзывов многих гостей города следует, что местные жители отличались кротким нравом, определенным благочестием, патриархальностью уклада и почитанием властей. Первыми тяжёлыми уголовными преступлениями считаются уже упомянутый взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. 192 тыс. руб. Характерно, что оба «были произведены

приезжими» [21, с. 457]. Первое известное убийство, причём ребенка, произошло в Петропавловске в ночь на 2 октября 1916 г. «Неизвестными злоумышленниками произведено дерзкое, возмутительное преступление. Убит мальчик — ученик высшего городского училища Терентий Дергач. Труп Дергача найден И. Новограбленным под мостом за Култучным озером. К розыску злоумышленников приняты энергичные меры» [29]. Чем завершились эти розыски, нам неизвестно.

Служебные заботы — заботами, а отдых — отдыхом. Хотя последний тоже требовал определённых хлопот. Для прибывавших в Петропавловск гостей начальник уезда и его супруга устраивали вечеринки. Они проходили традиционно: ужин, карточная игра, неспешные беседы, музицирование. «Каждая вечеринка кончается игрой в “макао”, именуемой здесь “девяткой”. Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке». Особенно ценили эти вечера отдыха морские офицеры, получавшие возможность провести несколько часов вне корабля. А вообще-то, гости признавали, что эти собрания «причиняют значительные хлопоты госпоже Лех» [21, с. 439]. (А дел у Веры Борисовны и так хватало. Взять хотя бы заботы о собственном многочисленном семействе. По словам побывавшего в 1910 г. в Петропавловске Г. Крамаренко, у Лехов было пятеро детей: «Из девочек самой старшей лет четырнадцать-пятнадцать, самой младшей лет пять, и один мальчик Валя».)

Дом начальника Петропавловского уезда и сад возле него.
Сейчас на этом месте находится сквер Лаперуза (Ф-4210)

Это, так сказать, дружеские посиделки. А вот как проходили официальные приёмы, в которых начальник уезда принимал участие по должности. В субботу 28 июня по случаю отъезда прямого начальника — губернатора Приморской области В. Е. Флуга, у С. М. Леха состоялся обед. После него все присутствовавшие сфотографировались в саду возле дома. Вечером губернатор дал ответный приём на военном транспорте «Шилка». Стол накрыли на верхней палубе, украшенной флагами и разноцветными электрическими лампами. По окончании приема все присутствовавшие перебрались на уходивший во Владивосток пароход Камчатского торгово-промышленного общества «Котик». Когда последний тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а городской староста Г. М. Чупятов там же зажёл фейерверк.

А вот ещё одно долгожданное «культурное событие общегородского масштаба». Вечером 13 июня 1908 г. небольшой зал городского училища был битком набит публикой: давался вечер, сбор от которого должен был пойти в пользу учебного

заведения. Большинству местных жителей впервые предстояло увидеть поставленную любителями драматического искусства пьесу Островского «Не всё коту масленица». Ещё вчера по городу расклеили рукописные афиши и разослали приглашения билеты. Любители драматического искусства сыграли для первого раза неплохо. После спектакля два любителя пения — доктор Квашонкин и купец Одолин — исполнили несколько дуэтов, вызвав настоящий восторг присутствующих. Затем состоялись танцы под звуки граммофона. Сбор за этот, как мы бы сейчас сказали, благотворительный вечер, превзошёл все ожидания. Плата за билеты, чай, конфеты, напитки, карты превысила 400 руб. Один из пришедших дал за билет 100 руб. Кроме этого, декорации, парики и грим, выписанные некоторыми любителями драматургии за свой счёт, тоже были пожертвованы в пользу училища [21, с. 452—453].

Благотворительности не чурался и начальник уезда. Известно, что в 1907 г. он подарил библиотеке городского училища 109 книг, в 1912 г. пожертвовал три рубля в Петропавловскую больницу на приобретение белья, в октябре 1916 г. передал пять фунтов махорки для нужд действующей армии. 1 января 1917 г. «Камчатский листок» в специальной рубрике «Солдату в окопы» в списке лиц, внёсших пожертвование взамен новогодних визитов в пользу раненых воинов и их семейств, вновь упоминает и С. М. Леха [30].

В июле 1908 г. Петропавловское полицейское управление получило с казённой почтой «штаты» будущей Камчатской губернии. Препроводительная бумага требовала от уездного начальника с первым отходящим парохом текущей навигации выслать приамурской краевой администрации «соображения о наидешевейшем для казны способе перемещения в Петропавловск будущих чинов губернской администрации». С. М. Лех, смеялся по этому поводу: «Отвечу — “на добровольце по третьему классу”», подразумевая самые дешёвые места на грузопассажирском пароходе Добровольного флота.

«Штаты» предполагалось ввести в действие со второй половины 1909 г. Новая Камчатская губерния должна была вобрать существовавшие Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петропавловский уезды. Последний предполагалось разделить на три части с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле.

Будущему губернатору устанавливался годовой оклад в 12 тыс. руб., ещё 2 тыс. предназначались в качестве «квартирных». Губернское правление включало: вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженера, он же архитектор, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста, ветеринарного фельдшера, четырёх чиновников для особых поручений. Помимо них, предполагались должности ихтиолога, лесничего, представителя государственного контроля, товарища (заместителя) прокурора. Организовывались казначейство и почтовая контора.

«Штаты» не содержали должностей мировых судей. Их обязанности, а также заботы судебных следователей, по-прежнему должны были нести уездные начальники. По этому поводу С. М. Лех вполне резонно замечал, что вместо ихтиолога, лесничего и контролёра, которым пока не было никакой работы, следовало бы иметь несколько мировых судей. «Неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казённого управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя». Впрочем, вскоре стало ясно, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд.

В 1909 г. произошло ожидавшееся коренное административное переустройство Приамурского края, который был разделён на четыре области: Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую, где введены губернские учреждения. Камчатская область включала шесть уездов: Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники [31, с. 109]. Одновременно последовало «Высочайшее повеление» о соединении Камчатки с метрополией радиосвязью и о постройке на полуострове телеграфной линии между Петропавловском и Охотском протяжением в три тысячи километров.

Первым камчатским губернатором назначен доктор медицины статский советник В. В. Перфильев, вице-губернатором — Е. Ф. Бодунген. Вместе с ними в Петропавловск был отправлен и соответствующий штат служащих различных учреждений.

В соответствии со «Списком служащих Министерства внутренних дел по Камчатской области на 1 января 1915 г.», областную администрацию составляли: губернатор Николай Васильевич Мономахов, вице-губернатор Александр Гаврилович Чаплинский, правитель канцелярии Фёдор Фёдорович Сомов, старший делопроизводитель канцелярии Эмиль Эдуардович Михельсон, старший чиновник особых поручений Вячеслав Ростиславович Викентьев, младший чиновник особых поручений Апполон Петрович Журавский, сверхштатный младший чиновник Петр Митрофанович Ключков, младший делопроизводитель Константин Андреевич Ковальчук-Коваль, экзекутор Емельян Филиппович Барыкин.

Полицейскую администрацию области составляли: начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех, его помощник Андрей Михайлович Пименов, секретарь Петропавловского полицейского уезда Иннокентий Михайлович Громов, приставы: первого стана Валентин Павлович Костров, второго — Ефим Сергеевич Михряков, третьего — Людвиг Леонтьевич Шикер; начальники уездов: Гижигинского — Владимир Георгиевич Осмоловский, Охотского — Николай Николаевич Червлянский, Анадырского — Николай Александрович Скляренко, Чукотского — барон Эвальд Вильгельмович Клейст, Марковского — Николай Павлович Сокольников [32].

В 1909—1910 гг. начинается активная застройка Петропавловска. В городе возведены больше тридцати казённых зданий для размещения учреждений и расселения их служащих. Областной центр получил радиосвязь с материком. Все строительные материалы и артели рабочих доставлялись пароходами из Владивостока. Число рейсов росло от навигации к навигации. Постройка административных зданий начинается и в разных уездах области. Бурное строительство вызывает необычайное оживление. На Камчатку устремляются рыбопромышленники, коммерсанты, здесь открываются торговые предприятия, быстро растёт число рыбных промыслов [33, с. 119—120]. Население Камчатской области к 1 января 1913 г. насчитывало 34 492, в том числе Петропавловского уезда — 10 681 чел.

В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернаторства камчатская столица быстро разрасталась. Среди традиционных небольших камчатских одноэтажных домиков появились вполне солидные двухэтажные здания, правда, исключительно деревянные. К 1913 г. всех домов было уже две сотни. Каменные постройки не строились из-за опасения их разрушения частыми землетрясениями. Ещё одной серьёзной опасностью для скученного деревянного города был огонь. Специальной пожарной охраны и снаряжения, за исключением ручного насоса и двух бочек, при Петропавловском полицейском управлении не имелось. Поэтому у С. М. Леха возникла мысль учредить добровольную пожарную дружину, что им и было сделано. Численность дружинников быстро достигла сорока, с ними еженедельно производились практические занятия. Кроме того, по желанию губернатора Н. В. Мономахова обращению с пожарными инструментами были обучены двадцать казаков и организован отряд «добровольцев-водоснабжателей» из двадцати живших в городе китайцев. Первую пожарную дружину возглавил К. А. Ковальчук-Коваль. Так на Камчатке возникло Петропавловское «вольно-пожарное» общество. Оно обладало собственным зданием (депо) и земельным участком. В депо ежедневно дежурили начальники отрядов, из него провели электрическую сигнализацию в казармы жандармской команды и казаков. На казённые средства были приобретены ещё одна, более мощная, «пожарная машина» с большим количеством шлангов, лестниц, багров, инструменты и десяток химических огнетушителей. Это хозяйство предназначалось для тушения здания радиостанции. На первых порах после образования камчатской пожарной дружины больших пожаров не было, а те, что случались, «ликвидировались в самом зачатке» [21, с. 462—463].

За заслуги в организации пожарной охраны начальнику Петропавловского уезда С. М. Леху и губернатору Камчатской области Н. В. Мономахову в ноябре 1916 г. были вручены серебряные знаки почётных членов Петропавловского пожарного общества.

И все же, несмотря на принятые меры, разгулов огненной стихии избежать не удавалось. Большие пожары бушевали в январе 1911 и в декабре 1913 г., уничтожив радиостанцию и здание почтово-телеграфной конторы, а также жильё служащих.

Об одном из пожаров, случившемся пять дней назад, 7 октября 1916 г. известил городских обывателей «Камчатский листок»: «Около двенадцати часов дня было получено известие, что кем-то пущен пал у подножия Мишенной горы, и каковой может угрожать, если не городу, то, вполне возможно, что ферме. Были приняты меры, как к тушению пала, так и к недопущению разыгаться в стихийное бедствие, немедленно были отправлены на место пожарища: наличие свободных казаков, жандармы в количестве двадцати человек. Китайское население отправило от себя до пятидесяти человек. Руководство над китайцами на месте пожара было поручено господину Лю Тин Цзинцу, который с возложенной на него задачей справился вполне. Жители селения Сероглазка как один человек высыпали по дороге от Сероглазки на ферму и работали под руководством начальника Петропавловского уезда С. М. Лех. На борьбу с огнём из Сероглазки вышла и Акулина Дьячкова с метлою в компании нескольких мужчин и принимала деятельное участие. Причина пожара до сего времени не выяснена. При сухой траве легко предположить случайность от брошенной папироски или спички» [27, с. 35].

А 12 декабря 1916 г. случился сильный пожар, которым было уничтожено... само здание пожарного общества [21, с. 464].

Осенью 1916 г. власть в области и Петропавловском уезде перешла ко «вторым» лицам. Начальник уезда захворал настолько серьезно, что 29 октября передал полномочия помощнику А. М. Пименову, который теперь именовался «исправляющим должность» начальника уезда. В свою очередь «исправляющим должность помощника начальника уезда» стал Н. В. Гантимуров. А 16 ноября 1916 г. губернатор действительный статский советник Н. В. Мономахов на «Индибирке» — последнем пароходе закрывавшейся навигации — уехал в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Накануне в семь часов вечера в собрании драматического общества по случаю отъезда его превосходительства состоялся прощальный обед [27, с. 33]. Во главе области остался вице-губернатор действительный статский советник А. Г. Чаплинский.

Петропавловское уездное полицейское управление продолжило свою обычную деятельность. Так, 12 декабря А. М. Пименов объявил «для всеобщего сведения», что 18-го числа в его здании состоится аукционная продажа тридцати двух шкур морских котиков, присланных старшим смотрителем командорских пушных и рыбных промыслов [34].

10 января 1917 г. ещё болевший С. М. Лех через «Камчатский листок» (№ 740) обратился к горожанам с личной просьбой: «Мною утерян выигрышный билет Третьего выигрышного займа». Нашедшему предлагалось вернуть билет «за хорошее вознаграждение». Тут же Лех предупреждал, что за сокрытие билета будет преследовать судом.

28 января 1917 г. А. М. Пименов известил Петропавловских домохозяев: «Для свалки мусора и вообще нечистот отведено место по дороге в Сероглазку около кладбищенской горы и это место обозначено столбами с соответствующими надписями. Обыватели города Петропавловска все нечистоты и мусор обязаны вывозить на указанное место, в противном случае виновные подлежат законной ответственности, а, между прочим, некоторые из обывателей этого требования не выполняют и валят навоз, мусор и нечистоты на лёд Култучного озера. Напоминая обывателям о выполнении означенного требования, предупреждаю, что за невыполнением означенного требования я строго буду следить всеми имеющимися в моём распоряжении средствами, и виновные будут привлекаться к законной ответственности» [35].

А совсем скоро размеренная и привычная жизнь камчатских обывателей и их руководителей начала стремительно рушиться. 1 марта 1917 г. в Петропавловск по радио пришли ошеломляющие сведения об отречении императора Николая II от престола. Эта новость во всеуслышание была объявлена горожанам после богослужения с паперти Петропавловского собора вице-губернатором А. Г. Чаплинским толь-

ко через три дня. 8 марта в присутствии вице-губернатора, губернской администрации и епископа Камчатского и Петропавловского Нестора прошло общее собрание горожан и представителей окрестных селений. Здесь же по указанию Временного правительства России был избран областной комитет общественной безопасности (областной комитет). Такие же комитеты появились и в уездах.

Областной комитет сделал представление Временному правительству о назначении должностных лиц. Вице-губернатор А. Г. Чаплинский и уездные начальники были переименованы в комиссаров Временного правительства. По свидетельству общественного деятеля А. А. Пурина, областной комитет «занился хозяйственными вопросами края и разработкой проектов о местном самоуправлении, считая, что до Учредительного собрания административный аппарат области не должен быть изменён. Все мы дружно сотрудничали, и никаких разногласий между нами не возникало».

В середине марта Временное правительство телеграммой предложило заменить вице-губернатора и старую администрацию вновь избранными лицами, «так как правительство считало неудобным в условиях революции оставление их у административного аппарата». Из газеты «Камчатский листок» следует, что 11 марта 1917 г. начальником Петропавловского уезда вновь числился А. М. Пименов, а 19 марта он уже именуется «уездным комиссаром».

Административный аппарат Камчатской области был реформирован в апреле 1917 г. Первым лицом области — областным комиссаром — избрали члена Петропавловского окружного суда, до этого председателя областного комитета К. А. Емельянова. Новым председателем областного комитета стал А. А. Пурин. Одновременно была образована комиссия по созыву Первого Камчатского областного съезда представителей населения для обсуждения и разрешения всех затрагивающих интересы области вопросов. Между прочим, областной комитет разместился в бывшем губернаторском доме, а потом к нему добавилась Камчатская областная продовольственная управа.

По словам А. А. Пурина, «русская революция, как всякая революция, дала волю анархически настроенным элементам. Особенно много их находилось на Камчатке. Легальными и нелегальными путями проникали они сюда, спасаясь от военной службы, растекались по соболиным заповедникам и золотоносным районам, где годами занимались хищничеством и сбытом ценностей через сельских посредников. Когда пришла революция, весь этот элемент выполз из своих нор и появился в разных местах области и в Петропавловске. Отдельные лица начали вести себя вызывающе и выступать против администрации» [33, с. 130—131].

Если в Петропавловске смена власти прошла мирно, то в отдалённых уездах области было неспокойно. Так, в Ново-Мариинске под арестом оказался бывший начальник Анадырского уезда К. Г. Царегородцев. По свидетельству А. А. Пурина, «в конце июня группа хищников, всё время издевавшаяся над К. Г. Царегородцевым, доставила его в Петропавловск для народного суда. Обвинительный материал в нескольких томах был передан прокурору окружного суда. Никакой вины за К. Г. Царегородцевым не значилось. Его обвиняли в том, что он законными мерами боролся с хищничеством и спаиванием инородцев и не допускал обирать их. По освобождении К. Г. Царегородцева последовал призыв к резне, и недовольные выехали во Владивосток...» [33, с. 132].

Может быть, опасение возможной расправы и стало причиной того, что бывший начальник Петропавловского уезда коллежский советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VI класса соответствовал армейскому полковнику) С. М. Лех покинул полуостров ещё до наступления лета 1917 г. Тогда это можно было сделать только одним способом: на пароходе. Но точных данных на этот счёт мы не имеем. Известно, что главный снабженец Камчатки — Добровольный флот — планировал отправку своего первого судна навигации 1917 г. на Камчатку на 24 марта. Следовательно, его заход в Петропавловск можно было ожидать не раньше начала апреля. Второй пароход флот намеревался послать из Владивостока лишь 10 мая. Между 15 и 25 марта в Петропавловске ожидалась шхуна «Бельведер» торгового дома «Гибард, Свенсон и К^о». Опубликованное заранее объявление торгового дома обещало:

«Продажа всевозможных товаров. Цены вне конкуренции. Покупка разной пушнины по наивысшей цене».

Косвенным подтверждением поспешного покидания Лехом места долгой службы являются оставленные им многочисленные сугубо личные документы и письма, использованные при написании этого очерка. Столько личных бумаг до нас не дошло ни от губернатора Н. В. Мономахова, ни от вице-губернатора А. Г. Чаплинского.

Во вторник 4 июля в Петропавловск пришёл пароход «Ставрополь». В этот же день отправился во Владивосток пароход «Тверь», на котором в действующую армию отбыл бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. Вместе с ним Камчатку покинул бывший областной инженер И. С. Багинов. В воскресенье 9 июля ушёл пароход «Астрахань», на котором уехали епископ Нестор, а также свыше пятидесяти призывников, направлявшихся в действующую армию. В числе покидавших Камчатку находился и освобождённый от судебного преследования бывший Анадырский уездный начальник К. Г. Царегородцев... [36, 37].

Как сложилась судьба Леха и его семьи после отъезда с Камчатки, мы тоже не знаем. Известно лишь, что наш герой — бывший начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех — прожил недолго. Он погиб, будучи в возрасте сорока восьми с небольшим лет. Об этом скупко сообщает юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940»: «Прослужил на Камчатке с 1903 по 1917 год. Погиб в Николаевске-на-Амуре в 1920 году» [31, с. 17].

В последний день февраля 1920 г. Николаевск-на-Амуре заняли отряды красного партизана-анархиста Я. И. Тряпицына. В их власти город, захлестнутый безбрежным террором против всех слоев населения, пребывал несколько месяцев. С 1 марта по 2 июня 1920 г. «партизаны», а точнее, бандиты, расстреляли, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров, большую часть интеллигенции, многих крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Была уничтожена вся японская колония во главе с консулом, а также экспедиционный отряд японских войск. Город был разграблен и сожжён дотла. Количество убитых в Николаевске-на-Амуре русских граждан превышало 6 000, японцев — 700 чел. [32].

Одной из жертв этого террора и стал С. М. Лех. Пострадали и другие камчатцы, пребывавшие в ту пору в Николаевске. Так почти полностью был уничтожен состав Петропавловского окружного суда, переведённого сюда с полуострова в конце 1918 г. [21, с. 459].

ИСТОЧНИКИ

1. Польское восстание (1863) / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. ГИ 13963.
3. Христофор Швермицкий. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: http://express.irkutsk.ru/history/people/schvem_x.htm/.
4. ГИ 13961.
5. ГИ 13964.
6. ГИ 13957.
7. ГИ 13965.
8. ГИ 13960.
9. КОКМ ОФ 35194.
10. КОКМ ОФ 36190.
11. КОКМ ОФ 35192/3.
12. Подпрапорщик / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
13. ГИ 13959.
14. ГИ 13985.
15. КОКМ ОФ 35192/5.
16. КОКМ ОФ 35183/5.
17. ГИ 14093.
18. ГИ 14103.
19. ГИ 14096.

20. ГИ 14107.
21. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — 472 с.
22. ГИ 14113.
23. КОКМ ОФ 35180/2.
24. КОКМ ОФ 35180/7.
25. КОКМ ОФ 35182.
26. ГИ 13966.
27. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2002. — 302 с.
28. НВФ 2811.
29. Камчатский листок. — 1916 г. — 13 окт. — № 674.
30. ККМГИ 5762. Камчатский листок. — 1917. — 1 янв. — № 734.
31. Камчатка 1740—1940. Юбилейный сборник в память двухсотлетия основания города Петропавловска-на-Камчатке. — Шанхай: Слово, 1940. — 248 с.
32. РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 109.
33. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. — 408 с.
34. ККМГИ 5751. Камчатский листок. — 1916. — 14 дек. — № 722.
35. Камчатский листок. — 1917 г. — 28 янв. — № 756.
36. Камчатский листок. — 1917 г. — 7 июля. — № 880.
37. Камчатский листок. — 1917 г. — 11 июля. — № 883.
38. Красный террор в Сибири. Годы 1919—1920. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/29-1-0-1199/>.